

КЯМРАН НАЗИРЛИ

Моя драгоценная память

Рассказ

Перевод Пюсте АХУНДОВОЙ

Соседские ребята, пришедшие встречать вернувшегося домой из госпиталя гази, резвились, размахивая трехцветными флагами, и время от времени то порознь, то хором кричали: «Карабах – это Азербайджан!», «Слава нашему гази!» «Шехиды бессмертны, Родина неделима!»

Была среди дышащей безмятежной радостью толпы, состоящей из соседей и родственников, девушка небольшого роста, в белоснежном покрывале; она не смеялась, не размахивала руками, а стояла смущенно за толпой, рядом с соседскими женщинами и смотрела на ликующих, время от времени подправляя белую маску, соскальзывающую с ее маленького округлого носика и открывающую взорам некрашенные губы. Ее глаза, виднеющиеся над маской, словно стали ярче, а в угасшем в последние месяцы взгляде проснулась улыбка. С тех пор, как скользкий и безнравственный мир был охвачен пандемией вируса, даже в сельской местности людям не разрешалось выходить на улицу и находиться в местах скопления людей без масок. Но сегодня мало кто был в маске; толпе было не до этого – вся деревня собралась здесь, чтобы встретить героя села – отважного **гази**, героя 44-дневной войны.

Невозможно было равнодушно смотреть на пожилую женщину, стоящую среди толпы, – ее засеребрившиеся волосы беспорядочно выбивались из-под черного платка, окаймленного алыми цветами, глаза, покрасневшие от слез радости, блестя, а лицо светилось гордостью. Женщина была матерью гази. Она обнимала сына, улыбающегося, как невинное дитя. Близкие и родственники один за другим подходили, чтобы обнять и поцеловать парнишку. Кто-то поднял руки к чистейшему небу деревни (в деревне и земля, и небо чисты!) и взмолился:

– Хвала Всевышнему! Слава Тебе, Господи! Ай, Месме, слава Богу, вернулся твой мальчик домой, живой и здоровый!

Ворота были открыты настежь; серая «Волга» въехала во двор, полный людей. Высокий бородатый мужчина (видимо, из близких к семье людей) тащил с пастбища, стирающего до подошвы зеленых гор, к машине, под ноги гази барашка с красной ленточкой на шее. Теплые, ласкающие землю лучи зимнего солнца отражались в глазах барашка; глаза животного гневно пламенели, казалось, оно гипнотизировало бородатого худого мужчину, не желая быть принесенным в жертву. Наконец, барана зарезали, одна из пожилых женщин обмакнула палец в кровь и помазала лоб гази; кто-то даже зажег пучок руты от дурного глаза и дунул душистым и дымным запахом в лицо пареньку. А паренек беспомощно улыбался, глядя всем в лицо, словно впервые за девятнадцать лет входил в этот дом, видел так много людей и слышал шум-гам.

Одна из соседских женщин повернулась к девушке в маске:

– Бедная Месме! Горе-то какое! Хорошо еще хоть руки-ноги на месте. Говорят, память тоже со временем восстановится...

– Конечно, конечно, – уверенно прошептала девушка.

– Ей-богу, даже не верится, – подключилась к беседе другая соседка, съезжившаяся от холода. – Говорят, каких только врачей ни привозили, все без толку. Погляди, как смотрит на людей, как малахольный... Начисто память отшибло...

Чуть поодаль молодая женщина в черной маске и очках громко говорила стоящему рядом представителю муниципалитета:

– Видите ли, Мамед-муаллим, потеря памяти обычно свойственна пожилым людям. Зачастую они тащат с собой в будущее тягостные воспоминания молодости, и уже в старости отвечающие за память центры мозга не выдерживают этого груза...

Девушка в белой маске тотчас обернулась назад и заметила, что сотрудник муниципалитета внимательно смотрит на толпу, однако кивает женщине, словно понимает все сказанное ею. Женщине было примерно тридцать-тридцать пять лет, очевидно, она была не местная, видимо, прибыла из города. «Худющая, как тростинка! Если бы не теплая черная куртка на ней, можно было подумать, что она годами живет впроголодь!» Девушка в белой маске наострила уши, как кошка.

– Конечно, это одна из многих причин, – продолжала приезжая женщина. – Положение Ильхама Теймурова совершенно отличается. Может, так даже лучше пока – мозг немного успокоится; ведь он еще молод, у молодых нет груза тяжелых мыслей... Они должны очищать свой мозг от негатива и двигаться к будущему с приятными воспоминаниями...

Девушку охватило любопытство, смешанное с тревогой. Немного спустя, она долго (и кто знает, с какими чувствами) смотрела вслед сотруднику муниципалитета и женщине в черной маске, покинувшему толпу и удалившемуся в неизвестном направлении, усевшись в черную «Ниву».

А в сравнительно спокойном уголке двора отец гази был занят более серьезным делом – давал интервью корреспонденту местного телевидения.

– Будь у меня десять сыновей, клянусь Богом, всех десятерых отправил бы на фронт! Главное – положить конец этой тридцатилетней тоске по родине и освободить наши земли...

– Победа далась ценою крови наших доблестных сынов и шехидов, – перебила его журналистка в рваных на коленях джинсах, не давая пожилому мужчине закончить мысль. – Вы собираетесь обратиться в фонд «YAŞAT» с целью получения поддержки для лечения вашего сына?

– Нет, доченька, – торопливо ответил отец, видимо, не до конца поняв суть вопроса. – Спасибо нашему государству и врачам, они сделали все возможное. Он деревенский паренек, здоровье крепкое, ничего с ним не станется. Даст Бог, и память восстановится.

Третьего ноября на пути в Шушу в пяти шагах от него взорвался российский снаряд; осколки пробили его тело в нескольких местах, самый крупный осколок попал в голову. После этого он ничего не помнил: ни то, как был доставлен на плечах боевого товарища в полевой госпиталь, ни оказанную ему первую медицинскую помощь, ни то, как его везли на вертолете в Баку, ни слов сокрушенно качающей головой медсестры: «Везите в морг, он мертв!», ни, в конце-то концов, крика совершенно случайно схватившегося за его запястье в коридоре госпиталя врача-турка и его распоряжения несущим его санитарам: «Стойте! Везите его обратно, в хирургию!» Он не очнулся даже после нескольких операций – впал в кому.

Через сорок дней, когда он открыл глаза, весь госпиталь ликовал. Все радовались, но эта радость длилась недолго: выяснилось, что раненый никого не узнает, ничего не помнит. Нейрохирург из Измира сказал отцу раненого:

– Такое случается у большинства пациентов, вышедших из комы, и память постепенно возвращается к ним... однако может и не вернуться...

С того дня его семья переживала смешанные чувства; радость сменялась гордостью, грусть – надеждой, сожаление, боль и страдания порой озарялись верой, а порой стенания матери, проклинающей весь свет, не давали покоя семье.

Это случилось, когда сын не узнал ее; он то постоянно всем улыбался, то глядел подолгу в потолок, то издавал отрывистые звуки, бредил и спал по многу часов. Странно, что в эти минуты Месме проклинала не армянских, а русских матерей. Казалось, женщина обезумела от горя. А местные газеты и сайты тем временем писали о гази, распространяли новости о его боевой доблести, орденах и медалях. Наконец, он узнал своих родителей, но больше никого и ничего не мог вспомнить. Он забыл, где он находится, даже недавнего прошлого своего вспомнить не мог. И Отечественную войну, и своих друзей, павших смертью храбрых у него на глазах, и как громили вражеские танки и окопы, как водружали трехцветный флаг в освобожденных ими районах, как его боевые друзья, ликуя от радости после каждой победы, пели и танцевали... он забыл все и всех.

После шумного торжества, едва стало темнеть, гости разбрелись по домам. Деревня вновь погрузилась в привычную глухую тишину, рожденную ясностью последней ночи зимы.

Дом с красной черепицей и застекленным балконом был построен в старинном стиле с видом на озеро Ловайын¹. Семья была небогатой, одной из миллионов простых крестьянских семей, которые не могли отрешиться от повседневных бытовых забот. В задней части двора они разбили цитрусовый сад площадью около четырех соток, упирающийся в подножия холмов. Каждый год, в канун зимы, плоды, собранные в саду, скупали по оптовой цене прибывшие из районного центра торговцы. Семья жила за счет доходов от сада. Еще за несколько месяцев до войны отец, отправляя сына на военную службу, сказал жене:

– Если урожай будет богатым, построим дом для Илиша в дальнем конце двора, а потом и женим. Нельзя приводить невесту в тесный дом.

– Дай-то Бог! – согласилась Месме.

Для гази выделили небольшую комнату справа, окно которой смотрело на горы. Все три его сестры спали в средней комнате, а родители разместились в комнате, прилегающей к кухне. Не очень просторный застекленный балкон в передней части дома заменял гостиную. Обычно семья проводила здесь большую часть времени.

В понедельник утром к ним пожаловала вместе с председателем местного муниципалитета и давешняя врач-психотерапевт.

– Добро пожаловать! Дай Бог вам здоровья! Мальчик как будто в зимнюю спячку впал. Наверное, скоро проснется... Проходите, прошу, – пригласила мать гостей в дом.

– Не беспокойся, сестра! Это хорошо, что он много спит, – сказал председатель муниципалитета с видом знающего человека и сразу же представил горожанку: – Фарида-ханым прибыла из Баку, какое-то время проработает в нашей больнице. Она из волонтеров...

– Очень хорошо, милости просим, доктор! – поприветствовал отец. – Ей-богу, в этой войне каждый нес свою службу, и доктора в том числе... Прошу, проходите, устраивайтесь, приехали издалека, наверняка утомились в дороге, отдохните...

– Нет, нет, что вы, не беспокойтесь, это наш долг. Отважные ребята, вроде вашего Ильхама, заслуживают намного больше внимания и заботы. Лишь бы выздоровел...

– Ох, доктор, мой сын не живет, нет, нет, это не жизнь, а существование... – расстроилась женщина, и набухшие глаза ее вновь налились слезами. – Ночами бредит, разговаривает невпопад, ничего не помнит... никого не узнает. С того дня, как приехал, всего один раз назвал меня «мамой». Джан, сынок, джан, хоть бы Бог меня забрал!

– Хватит причитать, женщина, не позорь нас при гостях! Пойди, принеси чаю! – одернул ее муж.

¹ Искусственное озеро в южной зоне, созданное для орошения.

Все три сестры, войдя в комнату, с интересом рассматривали молодую женщину-врача.

– Какие у вас замечательные девочки, храни их Аллах! – сказала психотерапевт, глядя на детей.

– Спасибо, доктор, дай Бог вам здоровья! – ответила Месме, торопливо направляясь в кухню. Старшая из сестер кинулась за матерью.

Председатель муниципалитета повернул строгое лицо к самой младшей из сестер и спросил:

– А ты почему такая худая, малышка? Ты что, каши не ешь?

Девочка молча опустила голову.

– Как тебя звать? – спросила врач, взяв девочку за руку и поглаживая ее волосы.

– Айтен. А это Айнур.

– Машаллах! Сколько тебе лет?

– Восемь. А Айнур десять лет. А Айгюн будет пятнадцать.

– Ай машаллах! Все-то ты знаешь! – засмеялся председатель муниципалитета.

– А в школу ты ходишь?

– Нет, пандемия ведь. Полиция не разрешает... И Айнур не ходит. А Айгюн маме помогает.

Отец семейства вошел в комнату с подносом, полным фруктов.

– Это из нашего сада, еще с прошлого года оставил на деревьях, – сказал он, показывая на апельсины и мандарины. – Попробуйте, вам у себя в городе таких не отыскать – экологически чистый продукт без каких-либо удобрений.

Фарида взяла один мандарин, неохотно очистила от кожуры, но есть не стала.

После чаепития председатель муниципалитета ушел, а врач приступила к сеансу. Провожая ее, Месме, ее муж и девочки глядели на нее с надеждой. Фарида не стала говорить домочадцам о том, что первый сеанс прошел неудачно:

– Черепно-мозговая травма – нештучное дело. Пока говорит не ясно, часто путается. Сеансы обязательно помогут, это работа не одного дня.

А сеансы тем временем продолжались. Вот уже более месяца, как больной не произносил других слов, кроме как «папа» и «мама», сестер не узнавал, а тети и дяди словно и вовсе не существовали; посетители – навещающие больного бывшие одноклассники, друзья детства – все, с грустью качая головами, говорили:

– Вряд ли память вернется к нему ...

– И лекарства не помогают, некачественные, никакой пользы от них.

А старые, бывалые женщины села думали иначе:

– Врачи, лекарства – все это чепуха, дорогие. Народная медицина – вот что ему нужно. Либо же везите парня к Сейиду Аге, да буду я жертвой их благословенного рода, увидите, как он быстро поправится.

– Ей-богу, мое дитя не живет! Если не помнит прошлого, значит, не живет, нет у него ни настоящего, ни будущего!

– Лучше и он бы стал шехидом, как мой внук... Так хоть знали бы, что на том свете пребывает в раю! Бедный парень, ни жив, ни мертв... Не жизнь это, клянусь, не жизнь! Так жить невозможно! – Эти слова Молла Ходжатулла сказал на поминках своего внука, и весть об этом дошла до Месме. Несчастливая женщина не могла унять слез.

За день до последнего вторника перед праздником Новруз, когда врач, завершив свой последний сеанс, расстроенная вышла из комнаты газа, Месме сказала:

– Доктор, вы не утруждайтесь более... Вот уже более месяца ходите, и никакого толку. Не мучайте больше ни себя, ни мое дитя.

– О чем вы говорите?! Что вы? Вы его почаще выводите на свежий воздух, пусть нормально питается, и результат обязательно будет.

– Милая моя, не могу я его из дома вытащить. Он замкнулся в себе. Что же мне, горемышной, делать, как мне быть?!

«Даже Книги¹ различают женщин друг от друга. Разве можно сравнивать звезды?» Молодая горожанка сидела в кабинете, выделенном для нее в сельской больнице, и размышляла. Ей думалось, что даже женщин-близняшек – и тех можно отличить друг от друга.

Из разговоров и намеков Месме-ханум в последнее время она пришла к выводу, что между городскими и сельскими женщинами существует значительная ментальная разница; порой сельские женщины, абсолютно не стесняясь и не краснея, говорят все, что думают, прямо в лицо. К примеру, Месме порой и сама не понимает, что говорит, не задумываясь над тем, что обижает всех подряд. «Да, да, ее психическое состояние сильно пошатнулось. Другая бы на ее месте вообще умом тронулась... А может, и нет. Мы много учимся, они много знают». В такие моменты Фариды злилась и на себя, из-за безрезультатности лечения. «Разве мало сегодня наших гази, ветеранов, нуждающихся в психотерапии? Каждый из них требует отдельного подхода». Порой Фариде казалось, что жизнь до войны и жизнь после войны в корне отличаются друг от друга. Война выворачивает жизнь наизнанку. Да и она сама словно былинка, занесенная в село внезапно взбушевавшимся городским ветром. А ведь она была врачом-победителем страны-победительницы, причем одной из лучших в своей сфере. «Так отчего же не смогла вылечить гази? Ни один из моих методов лечения не помогает. Нет, завтра же уеду отсюда».

Среди путающихся мыслей молодой женщины было также немало вопросов; эти вопросы терзали ее, и порой Фариде казалось, что все вокруг, как все ее существо, полыхает огнем. «Ведь мы победили в войне! А разве победитель не проливает кровь? Разве не несет потери, не теряет храбрых сынов? Разве не имеет и гази, и храбрецов, и трусов, и предателей, разве не испивает также горькую чашу потерь?» До войны у нее даже в мыслях не было этого, ведь они отправлялись на правый бой – улыбаясь, с высоко поднятой головой, с огромным энтузиазмом и воодушевлением отправлялись изгнать врага со своей родной земли. Они имели на это право, и они это право завоевали! «А затем жизнь абсолютно меняется, и ты начинаешь думать не о приобретениях, а сожалеть об утратах... В особенности, если среди ушедших были близкие тебе люди. Я не осуждаю и мать гази. Те, кто говорит, что война закаляет человека, делает сильным, бессовестно лгут. Кто сказал, что война – это еще и внутренний покой, умиротворение? Какой там покой, какое к черту умиротворение? Враг еще не повержен...»

С каждым днем состояние гази все более и более ухудшалось; Месме не могла сдерживать слез, глядя на поникший стан своего сына. Бывали дни, когда она словно разум теряла, носилась по двору как угорелая, бранила и жалила то дочерей, то случайно заглянувших к ним соседей, а порой металась и плакала навзрыд. Муж, пытается успокоить жену, говорил:

– Не плачь при ребенке! Перестань, возьми себя в руки, вон сколько людей и вовсе потеряли своих детей, твой хотя бы живой вернулся. Все только и говорят о храбрости и доблести нашего сына, государство наградило его орденами-медалями, газеты, телевидение вещают о нем. Нас чуть ли не поздравляют...

– Вот уж повезло, так повезло! Лучше бы наш сын без руки, без ноги вернулся, а не без памяти.

Между мужем и женой часто случались такие разговоры.

В селе было немало женщин, думающих так же, как она. Матери шехидов рассуждали примерно так же. «Из одной маленькой деревушки полегло двенадцать молодых ребят! Матери провожали их на войну с напутствием «Со щитом или на щите». Вот они и стали шехидами, но победу завоевали.

¹ Подразумеваются Тора, Библия и Коран.

Месме сама рассказывала доктору Фариде, что покрытый трехцветным флагом гроб внука того самого Моллы Ходжатуллы на кладбище несла на плечах его мать. Да и зять ее золовки тоже стал шехидом, его гроб несла на плечах его жена...»

Каждый раз по возвращении от газа Фарида подолгу размышляла о том, не вернуться ли ей в город.

Внезапно ей стало душно в комнате. Она подошла к окну, чтобы распахнуть его, как вдруг сзади раздался какой-то звук.

Кто-то очень робко стучался в дверь. Молодая женщина отвлеклась от своих мыслей и повернулась к двери. В дверь снова тихонько постучали.

– Кто там? Заходите... – сказала она громко.

– Доктор, здравствуйте! – заговорила бледная девушка небольшого роста, войдя в кабинет. – Простите за беспокойство. Я решила прийти к вам сюда для серьезного разговора.

Хотя врач и не скрыла своего удивления, однако приятное, привлекательное личико девушки пробудило в ней симпатию, и она заинтересованно ответила:

– Слушаю вас.

– Меня зовут Илаха.

– Очень приятно, Илаха. В чем дело? Вас что-то беспокоит?

– Нет, это личный вопрос, Фарида-ханым...

В комнате повисла тишина.

– Видите ли... я хочу сказать... человек никогда не забывает ту, что безмерно любил...

– Верно...

– Я... мы учились с ним в одном классе. Мы... мы любили друг друга. Когда он уехал в армию... он сказал мне...

Девушка снова замолчала. Какое-то время врач и девушка молча смотрели друг на друга.

Глаза Фариды внезапно заискрились, взгляд оживился, душа затрепетала, как бабочка... В эти минуты ей словно подарили дорогой подарок, а она со сладостным и нетерпеливым интересом пыталась его вскрыть.

– Илаха, я понимаю, я тебя прекрасно понимаю.

– Спасибо. Я хотела узнать, как он, есть ли хоть какая-то надежда?

– А почему же сама не сходила и не поинтересовалась?

– Как же мне туда пойти? Его мать меня недолюбливает... Она наметила в жены для сына свою племянницу, а та убежала с другим и вышла за него замуж... А мы любим друг друга.... Клянусь Богом, у меня предчувствие, что если он меня увидит...

В комнате повисла глубокая тишина, и никто не желал ее нарушать. Фарида, немного поразмыслив, улыбнулась, быстрыми шагами подошла к девушке и решительно заявила:

– Завтра я сама тебя туда отведу. Пойдешь со мной?

– Пойду...

Утром первого дня праздника, когда доктор вместе с Илахой вошли во двор, Месме скривила губы и шепнула мужу:

– А эта чего явилась?

– Ну пришла... не гнать же ее...

Гази, увидев их, быстро встал и потер глаза. Казалось, перед ним сверкнула молния и все его существо пронзило током. Его глаза засияли.

– Погляди, кто пришел, – улыбнулась врач.

– Ильхам, ты узнал меня? – Илаха сняла маску, шагнула вперед и встала у табуретки, стоящей перед ним.

Гази уставился на девушку; его взгляд постепенно разгорался, смягчался, словно что-то таяло в глубине его зрачков; на девушке было голубое платье, длинные черные волосы она, как школьница, заплела в две косы, которые повязала белыми ленточками, а в руках держала школьный портфель, как будто только что вышла с занятий. Она, открывая портфель, взволнованно сказала:

– Гляди, что я тебе принесла! – и стала доставать содержимое портфеля и складывать на табуретку перед ним. Там лежали кялагаи¹ молочного цвета, с фиолетовой каймой, солнцезащитные очки в розовой оправе, турецкий парфюм с надписью «Бахчисарай», маленький, разноцветный альбом для фотографий, написанное от руки письмо на клочке бумаги и бусы из искусственного жемчуга...

Парень взволнованно воскликнул:

– Илаха!

Девушка сжала его руку в своих руках.

– Ты узнал меня!

– Как я мог тебя забыть?

– Да, первую любовь не так просто забыть...

– Первую и последнюю... – добавил он.

– Скажи, ты помнишь, что сказал мне в школьной библиотеке перед отправкой в армию?

– Я сказал... я обещал... Я верен слову...

Девушка, не обращая внимания на окружающих, кинулась ему на шею и со слезами на глазах воскликнула: «Мой любимый гази! Значит, ты все вспомнил?»

Парень дрожал всем телом, словно молнии, совсем недавно сверкающие в его мозгу, внезапно куда-то исчезли, и в его душе заморосил мелкий дождь, дарящий желанную прохладу. Он крепко обнимал девушку за талию и не хотел отпускать.

– Я помню: на последнем звонке ты была в этом голубом платье, помню и эти вещи, которые я подарил тебе. Как хорошо, что ты их сохранила! О, Господи, я вспомнил все: как мы ходили в школу, как играли в снежки, дубовую рощу позади вашего дома, как я уезжал в армию, войну, письмо, которое написал тебе, друзей, дорогу на Шушу... О, Боже! Как же я люблю тебя! Как мне тебя не хватало!

– И мне тебя!

Девушка смеялась сквозь слезы. Доктор из города чувствовала себя, как рыба, сорвавшаяся с крючка и вернувшаяся в родную заводь; она тихонечко вышла из комнаты. В окна стучался первый весенний дождь...

Баку, март, 2021

¹ Кялагаи – азербайджанский национальный женский головной убор. Представляет собой шелковый платок из некрученых нитей, с набивным узором, выполненным традиционным способом резервирования воском.